

Экономика и мораль

А. Воин

Аннотация:

В статье исследуется зависимость экономики, в частности производительности труда, от нравственного состояния общества. Показано, что как апологеты марксизма, так и теоретики рыночной экономики недооценивают роль морального фактора. Показано, что нравственное состояние общества зависит от принятой в обществе системы морали, которая в свою очередь определяется философскими или религиозными учениями, принятыми в данном обществе, и что те, которые господствуют сегодня, ведут общество к кризису вообще и в частности экономическому.

Ключевые слова: экономика, производительность труда, мораль, социализм, капитализм, наука, метод обоснования.

Связь экономики и морали при социализме задекларирована в постулатах марксизма и в народных поговорках. «От каждого по способностям, каждому по труду» - это не только экономический постулат, это также и моральный, устанавливающий экономическую справедливость в марксовом понимании ее. Народная же поговорка периода позднего социализма гласит: «Если вы думаете, что вы нам платите, то думайте, что мы вам работаем». Это уже оценка народом этой самой марксовой справедливости в ее реальном воплощении, т. е. это - опять мораль в экономике. В этом переходе от марксовой формулы к народной, отлично видно влияние морального состояния общества на успех или не успех социалистической экономики. Пока народ верил в марксистскую идею и честно служил ей, советская экономика развивалась достаточно успешно. Когда вера ушла и произошла, вследствие этого, деморализация общества, экономика развалилась, а вслед за ней и Союз.

В неправильном понимании взаимоотношения морали и экономики была, пожалуй, главная ошибка марксизма. Маркс полагал, что мораль есть функция экономического строя, производственных отношений, полностью определяется ими [1]. Что при капитализме рабочие, не будучи хозяевами средств производства, не заинтересованы в результате труда, а при социализме они – хозяева, трудятся сознательно на благо общества и поэтому производительность труда при социализме непременно будет выше [2]. А оказалось наоборот. Произошло это потому, что рабочие не стали на самом деле хозяевами средств производства, а хозяевами стала номенклатура. И когда рабочие это поняли, то наступило «если вы думаете, что вы нам платите, то думайте, что мы вам работаем».

Но почему при социализме реальными хозяевами предприятий, вопреки ожиданиям Маркса, стала номенклатура, а не рабочие? Есть в марксизме, среди прочего, теория о постепенном отмирании государства [3]. Отмереть оно должно при коммунизме и тогда наступит эдакий рукотворный рай на Земле. А при социализме оно все-таки необходимо еще и потому при социализме – еще не рай, но лучше (так он думал), чем при капитализме. Но чем, спрашивается, мешало ему государство? Ну, Маркс писал, что государство – это насилие и потому – нехорошо. И это совершенно верно. Но чудится мне, что была у Маркса и еще причина не любить государство, которую он чувствовал интуитивно, но не до конца додумал. Дело в том, что государство – это не просто так ни с

того ни с сего насилие, это, прежде всего управление. Управление же организованному обществу необходимо всегда, в том числе при коммунизме, если таковой возможен и наступит когда-нибудь. Управление – это власть. И вот тут в дело влазит мораль, независимая, вопреки Марксу, от строя. Маркс, исходя из своего ошибочного положения о зависимости морали от строя, полагал, что власть при социализме будет абсолютно моральной и, имея возможность управлять в стране всем, чем ей угодно, добровольно откажется от управления заводами, фабриками и т. д. и передаст оное самим рабочим, а себе оставит только общее руководство. Но вопреки ожиданиям Маркса, моральная природа людей вообще и находящихся у власти, в частности, не изменилась в мгновение ока с победой социалистической революции и люди, получившие политическую власть, не захотели оставить за собой только общее, политическое управление страной, а управление предприятиями передать рабочим. В результате и получилось «Если вы думаете...».

Не эффективным оказалось и номенклатурное управление хозяйством. Номенклатура оказалась еще менее моральной, чем народ. Собственно, загнивание социализма с нее и началось. Хотя материальное положение представителей номенклатуры было несравненно лучше, чем у народа, но ее представители не столько заботились об успехе общего дела, сколько о персональном продвижении по карьерной лестнице. В конечном счете, все свелось к тотальному воровству и безделью, что наверху, что внизу. Точнее, были, конечно, и честные люди, особенно среди простых, не номенклатурных, их было даже не так уж мало, но тон задавали жулики, бездельники и бездарь, занимавшая места не по праву, не по способностям. Они понабились во власть, заботясь о своем личном интересе, вопреки интересу общества. И это решило дело.

Таким образом, можно сказать, что реальный социализм сгубило неправильное представление Маркса о полной зависимости морали от строя. Представление, которое противоречит марксистскому же, хотя и заимствованному у Дарвина, представлению о происхождении человека от обезьяны. На всем этапе эволюции до человека, никакой морали у животных, включая обезьян, не было. И у человека она не появилась мгновенно скачком. Она эволюционирует постепенно, вместе с человеком и обществом. Поэтому не было никаких оснований предполагать, что при социализме моральность людей, тем более стоящих у власти, поднимется скачком до абсолютной.

При капитализме на, первый взгляд, кажется, что мораль не имеет отношения к экономике. Господствует мнение, что при капитализме двигателем экономики является не мораль, не сознательная забота каждого об интересах общества в целом, а корыстный интерес каждого и капиталиста и рабочего. Одни гонятся за прибылью, другие за высокой заработной платой, а в результате богатеет все общество. Каждый заботится о своем интересе, но интерес этот, в отличие от социализма, совпадает с интересом общества в целом. И в определенных ситуациях, в определенные периоды это действительно так. Но не всегда. Т. е. на самом деле полного совпадения интересов хозяйственных субъектов, будь-то капиталисты или рабочие, с интересами общества в целом нет никогда, принципиально, но есть периоды, когда это совпадение имеет место по большому счету, есть периоды, когда эти интересы совпадают более-менее, и есть, когда они расходятся далеко.

И капиталистическую и социалистическую экономику можно представлять, как игру по определенным правилам. Только правила в каждом случае разные, типа в одном случае футбол, в другом шахматы. В каждую игру можно играть, соблюдая правила, и тогда побеждает тот, кто лучше играет, а общее дело выигрывает – уровень игры повышается. Но это обидно тем, кто хуже играет. И поскольку стопроцентной моральности в обществе

не бывает ни при какой принятой морали (чти, правилах игры), то всегда имеют место нарушения: подножки и незаметная игра рукой в футболе, незаметно украсть ладью или окуривать противника вонючими сигарами в шахматах и т. п. Конечно, между играми есть разница: нарушать правила в одной игре легче, чем в другой (легче незаметно сыграть рукой в футболе, чем незаметно украсть ладью в шахматах). И в этом смысле, можно говорить о преимуществах одной игры перед другой. Но, тем не менее, в любой игре есть принципиальная возможность нарушать правила и получать за счет этого индивидуальный выигрыш при проигрыше общего дела.

При капитализме, вообще говоря, подчеркиваю, вообще говоря, т. е. при некоторых, будем считать, нормальных обстоятельствах, нарушать правила игры ее участникам с одной стороны труднее, чем при социализме, а с другой, у них для этого меньше мотивация. Рабочим тяжелее воровать у капиталиста, чем у социалистического директора, потому что в первом случае украденное принадлежит самому капиталисту и в силу личного интереса он бдит, чтобы не украли. А во втором случае, украденное принадлежит всему государству, которое не в состоянии уследить за всем своим имуществом. Далее, у капиталиста вообще нет резона воровать у самого себя и напрягается он ради собственного обогащения, а потому он в полную меру своих возможностей эффективен. А советский директор заботится не о подлинной эффективности своего предприятия, а о том, чтобы заправить арапа начальству видимостью оного. Не стану развивать далее это сравнение, поскольку, в общем, это все хорошо известно (хотя сегодня некоторые, кажется, начинают забывать об этом).

Но нужно заметить, что и в нормальной ситуации нельзя сказать, что у капиталиста и его рабочих совсем нет мотивации и возможностей для нарушения правил игры в капитализм. Во-первых, и при капитализме есть государство, которое (предположительно) олицетворяет интерес общества в целом и предназначено заботиться о нем. И капиталисты, и рабочие имеют отношения не только друг с другом, но и с государством. И тут есть у упомянутых субъектов и интерес и возможность нарушать правила игры. Это - уклонение от выплаты налогов, коррупция и прочие экономические преступления. Нечестность возможна и в отношениях между капиталистами и капиталистов с рабочими. Но здесь правы апологеты рынка, утверждая, что рынок ограничивает нечестность такого рода. Действительно, отношения с партнерами выгоднее вести честно, иначе рано или поздно никто не захочет вести с тобой дел. А что касается надувательства рабочих с зарплатой, то при нормальной конкуренции это также не выгодно делать, они перейдут к тому, кто платит им лучше. Возможность и при капитализме нарушать правила игры снижает потенциальную эффективность капиталистической системы, но не в такой степени, как при социализме. Т. е. при капитализме эффективность экономики также зависит от морального состояния общества, от сознательного выполнения правил игры всеми игроками, но при нормальном состоянии зависит меньше, чем при социализме. Но все это – при нормальном состоянии.

Не уточняя пока, что такое - нормальное состояние при капитализме, я хочу обратить внимание на то, что никакое общество не пребывает постоянно в одном и том же состоянии. Изменение, развитие, эволюция есть всеобщий закон природы, распространяющийся и на общество. И на капиталистическое он распространяется, может быть, больше, чем на другие формации. Оно является наиболее динамичным и по сравнению с предыдущими формациями и с социализмом. В разных странах эволюция капитализма происходила и происходит по-разному и я не буду давать здесь ее обозрения во всем ее разнообразии по временам и странам. Это не для этой статьи, вообще не для одной статьи и это задача историка, а не философа. Я воспользуюсь общей схемой,

заимствованной у историка – философа Ю. Павленко [4]. И изложу ее вкратце (и в моем понимании).

В той части планеты, где впоследствии развился капитализм, жили независимые субъекты хозяйственной деятельности, крестьяне и ремесленники. Одни из них хозяйствовали успешно и богатели, другие разорялись. Первые начали нанимать последних в наемные работники и так развился капитализм. Вот этот самый начальный капитализм, когда существовала неограниченная свобода предпринимательства и стихийность рынка и конкуренция в наиболее чистом виде, я имел в виду, говоря о нормальных условиях игры в капитализм. Нормальность тут в том, что в этой фазе интересы отдельных игроков – капиталистов, максимально (хотя все равно не абсолютно) совпадают с интересами всего общества. Но рано или поздно конкуренция приводит к тому, что, как ранее из независимых крестьян и ремесленников образовались капиталисты, так и теперь из среды капиталистов выкристаллизовываются монополисты. Интересы монополистов при существовавших до их появления правилах капиталистической игры, т. е. при неограниченной свободе предпринимательства, далеко расходятся с интересами общества в целом. Это была главная причина кризисов соответствующего периода (периода, когда монополизм уже возник, но еще не были приняты антитрестовские законы). Она была устранена принятием антитрестовских законов, т. е. изменением правил игры. Этим удалось опять привести в соответствие интересы игроков капиталистической игры интересам общества в целом. Но до того как были приняты антитрестовские законы, монополист, не обремененный, подчеркну, моралью, в рамках прежних правил игры имел возможность вздувать как угодно цены на свою продукцию, грабя тем остальную часть общества и вредя обществу в целом. Это и позволило Марксу и его последователям говорить о монополизме, как о последней стадии, загнивании капитализма и т. д. [5]. При этом Марксу не пришло в голову, что если бы монополисты были моральны и не вздували цены на свой продукт сверх средней прибыльности, то все было бы нормально и не нужно было бы никакого социализма. Но Маркс не верил, и правильно не верил, в возможность абсолютной моральности монополистов. А вот в абсолютную моральность начальников при социализме он почему-то верил.

Ошибся Маркс и, предполагая, что ситуацию с монополистами никак нельзя исправить, не свергая капитализм и не заменяя его социализмом. Ситуация таки была исправлена в рамках капитализма принятием антитрестовских законов, после чего капитализм продолжил свое успешное развитие и утер нос социализму. Но не правыми оказались и апологеты капитализма, полагавшие и провозглашавшие, что антитрестовские законы – окончательная поправка капитализма и дальше все пойдет гладко, если не к коммунизму, то к какой-нибудь омеге. Во всяком случае, кризисов уже впредь не будет. Кризисы, как мы знаем, продолжились и предстоящий грозит превзойти все предыдущие.

Причина этого в том, что и после принятия антитрестовских законов капитализм продолжил эволюционировать и интересы так называемых олигархов при существующих сегодня правилах игры (законах) опять сильно разошлись с интересами общества. Какие именно изменения произошли в капиталистическом обществе со времен принятия антитрестовских законов и в чем именно состоит сегодня расхождение интересов олигархов с интересами общества в целом, я описал в книге «Начала новой макроэкономической теории» [6] и поэтому расписывать здесь не буду. Там же я наметил примерно, как нужно поправлять законодательство, чтобы интересы олигархов опять пришли в соответствие с интересами общества. И не только создавать законы, но и институты новые и не только в странах, но и мировые, поскольку в связи с глобализацией олигархия перешагнула национальные границы и одни только национальные законы и институты не могут ее сдерживать.

Я утверждаю, что, если все это сделать, то ситуация поправится, экономика опять станет более эффективной и кризисы оттянутся на время. Но в отличие от авторов антитрестовских законов, я не утверждаю, что это устранит кризисы навсегда. Нет, эволюция общества продолжится, расхождение интересов отдельных групп с интересами общества в целом опять начнет возрастать и со временем опять потребуются изменения законодательные и институциональные. И если они не будут сделаны вовремя, то опять будет кризис.

Мало того, чем дальше, тем меньше все эти поправки будут эффективными. Уже первая реконструкция капитализма с помощью антитрестовских законов и антимонопольных комитетов и прочих инстанций не вернула ему прежней первоначальной эффективности, в смысле совпадения интересов всех игроков с интересами общества в целом. Не вернула, потому что не вернула рынок к его первоначальной стихийности, к неограниченной свободе предпринимательства. Эти (и подобные им) законы расширили роль государства, капиталистического государства в регулировании экономики, умножили число бюрократов в управлении экономикой. Чем дальше, тем больше свободным предпринимателям, теперь уже «свободным» в кавычках, приходится согласовывать свои действия с чиновниками, получать от них всяческие разрешения: лицензии, квоты и т. д. И в некотором смысле правы те, кто утверждает, что капитализм смещается в сторону социализма. Причем, замечу я, он смещается в негативном плане, перенимая, прежде всего, недостатки социализма. Поскольку свобода предпринимательства, ограничивается чем дальше, тем больше, а природа человека остается той же, то растет мотивация к нарушению правил игры. И одновременно растет возможность их нарушения. Ибо, чем больше чиновников, тем больше взяток. В результате в таких странах, как Россия и Украина, не говоря уже про бывшие республики Средней Азии, честно вести бизнес просто невозможно, а крупные чиновники при сравнительно скромной зарплате живут богаче капиталистов. Но и отказаться от регулирования рыночной экономики тоже нельзя, т. к. опять возрастет расхождение интересов тех или иных субъектов экономики с интересами общества в целом (как в случае с монополистами). Причем, чем дальше, тем больше и чаще придется вводить новые виды регулирования, создавая все больше возможностей и мотивации для нарушения правил игры.

Получается своего рода эволюционная ловушка для человечества. Выход из нее я вижу только в укреплении морали общества. Как я сказал выше (и обосновал это в моей книге «Неорационализм» [7]), мораль не зависит от строя (точнее зависит достаточно мало). Но можно ли на нее вообще как-то влиять? Достаточно беглого взгляда на историю, чтобы увидеть, что исторически мораль, моральное состояние общества, была не просто влияема, но в значительной степени определялась философскими и религиозными идеями, принимаемыми тем или иным обществом. Принятие христианской морали было одной из составляющих экономического успеха западного общества до недавних пор. А деморализация этого общества под влиянием философских идей фрейдизма и экзистенциализма способствовала и способствует нынешнему кризису. Аналогично конфуцианская мораль, корни которой до сих пор живы в китайском обществе, способствует экономическому успеху Китая сегодня.

Но недостаточно и даже невозможно просто вернуться к христианской или конфуцианской морали. Дело в том, что никогда до сих пор мораль не была сформулирована и обоснована, как рациональная научная теория. Это приводило к тому, что любая моральная концепция, будь то христианская, конфуцианская или какая другая, допускала разное толкование. В Христианстве, в частности, это привело к появлению огромного множества конфессий, каждая со своим пониманием Учения, отличным от

других иногда до противоположности. А поскольку Бог один и истина едина, то возникает сомнение, дает ли истину хоть одна из этих конфессий. Кроме того, как я сказал, жизнь развивается и ставит перед обществом и отдельными личностями вопросы, на которые нет ответа в Библии или у Конфуция, потому что тогда, во времена Иисуса Христа и Конфуция, не было таких проблем. Не было тогда монополий и олигархов, финансовых пирамид, не стоял вопрос, рефинансировать или не рефинансировать проворовавшиеся или бездарные банки за счет бедных налогоплательщиков в ситуации когда, если их не рефинансировать, упадет экономика и т. д. Тем более не было вопросов: клонировать или не клонировать человека, разрешить или запретить ГМО и т. д. На эти вопросы невозможно получить однозначные и обоснованные ответы, исходя из Библии или Конфуция.

Из вышесказанного следует вывод о необходимости моральной теории, выстроенной как рациональная наука, т. е. обоснованной по единому методу обоснования, выработанному самой рациональной наукой, но окончательно сформулированному мной [8]. Такой теории, как я сказал, до сих пор не было, поскольку единый метод обоснования не был четко сформулирован и применялся только в сфере естественных наук и там лишь на уровне стереотипа естественно-научного мышления. В гуманитарной сфере он практически не применялся. Я показал возможность применения его в гуманитарной сфере и на этой основе построил теорию оптимальной морали [9] и показал, что она в основе своей совпадает с христианской моралью, но при этом позволяет извлекать из нее выводы, проектирующиеся на современную действительность. Кроме того, я применил единый метод обоснования к исследованию Учения Библии, что позволило дать однозначное и обоснованное толкование этого Учения [10].

Признание и принятие единого метода обоснования научных теорий, основанной на нем теории оптимальной морали и толкования морального учения Библии позволило бы построить здоровое общество с крепкой экономикой.

Ссылки:

1. Lukes S. Marxism and morality. Oxford University Press. 1987
2. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 46, ч. 1.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. 1878
4. Павленко Ю. История мировой цивилизации.
5. Маркс К., Энгельс Ф. — Соч., 2 изд., т. 25, ч. 1, с. 481—82
6. Воин А. Начала новой макроэкономической теории. Direct Media, М., 2013
7. Воин А. Неорационализм. Укринтермедас, Киев, 1992
8. Воин А. Единый метод обоснования научных теорий. Алетейя, СПб, 2012
9. Воин А. Неорационализм. Укринтермедас, Киев, 1992, ч. 4
10. Воин А. Эволюция духа. От Моисея до постмодернизма. Direct Media, М., 2013

[**Вернуться к списку докладов конференции**](#)